

ОТЗЫВ

официального оппонента

**на (о) диссертацию(и) на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Поветкиной Полины Борисовны
на тему: «Мифологическая персонификация «ночного кошмара»:
структура фольклорного образа и ареалы его бытования»
по специальности 5.9.4 – «Фольклористика»**

Диссертационное исследование П.Б. Поветкиной посвящено изучению механизмов персонификации «ночного кошмара» в польской народной культуре и фольклоре.

Проблемы изучения мифопоэтических механизмов персонификации актуальны для современной фольклористики. Характеризуя явление всеобщей персонификации как универсальный мифопоэтический механизм, автор отмечает, что «во всех фольклорных традициях появились духи-хозяева мест (леса, гор, болот, полей, рек и т.д.). Однако олицетворение природных феноменов не ограничивалось ландшафтом» (с. 5). Этот тезис кажется спорным, т.к. духи локусов не суть символическая ипостась локуса (то есть леший не есть олицетворение леса); духи локусов изначально мыслятся как персонажи, имеющие функции опекуна, хозяина, защитника природного или культурного пространства; кроме того, дух локуса сам испытывает на себе действие механизма персонификации, воплощаясь в разных объектах (ср. домовый в виде человека, животного, змеи). И далее в диссертации наглядно показано, как совмещаются и обмениваются своими функциями и признаками разные типы мифологических персонажей, что было бы невозможно, будь они олицетворением конкретных природных явлений.

В работе, состоящей из введения, трех глав, заключения, библиографии и восьми приложений, автором последовательно решаются поставленные задачи: на основе аутентичных фольклорных текстов и фольклорно-этнографических источников выделяются основные сюжеты, мотивы, признаки и функциональные характеристики образа *зморы* и сходных с ней персонажей (гл. 1); предлагается классификация контекстов, в которых фигурирует данный мифологический персонаж, и рассматривается возможность картографирования некоторых мотивов, сюжетов и дифференциальных признаков, связанных со *зморой*, с целью установить ареалы их распространения и определить факторы, влияющие на их бытование и распределение в рамках польской фольклорной традиции (гл. 2); образ польской *зморы* сравнивается с мифологическими персонификациями «ночного кошмара», известными в иных славянских фольклорных традициях.

Новизна исследования состоит в том, что автор вносит вклад в этнокартографию славянской демонологии. Диссертация П.Б. Поветкиной закладывает основы систематического указателя сюжетов и мотивов, связанных с темой «ночных кошмаров», который может расширить наши представления не только о конкретном мифологическом персонаже, но и о его связях с другими типологически сходными персонажами в системе славянской народной демонологии. Следует отметить особо ценный пласт фольклорного материала, использованного автором: это неопубликованные материалы по демонологии, собранные для Польского этнографического атласа, которые охватывают всю территорию Польши.

Комплексный подход, предложенный П.Б. Поветкиной для описания мифологического персонажа, обуславливает теоретическую значимость работы (методы идентификации и сравнения мифологических персонажей польского фольклора, опыт классификации контекстов для указателя сюжетов и мотивов и составление карт).

Обоснованность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, дает возможность рассматривать работу в целом именно как

опыт указателя, в котором заложена основа дальнейших перспективных исследований фольклорных текстов и верований о конкретном мифологическом персонаже.

Достоверность положений и выводов диссертации обеспечивается большим объемом исследуемого материала (библиография составляет 239 позиций), использованием архивных источников (более 200). По теме диссертации опубликовано 2 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова и 2 в изданиях, включенных в базу международного цитирования Scopus.

Как отмечается во Введении, во многих фольклорных традициях приступ сонного паралича изображается как нападение на человека сверхъестественного существа – «ночного кошмара» (англ. *nighmare*, фр. *cauchemar*, сканд. *mara*, герм. *Nachtmahr*, южнослав. *mora*, западнослав. *zhora*, восточнослав. *домовой* или *ходячий покойник*) (с. 6–7). На основе этого перечисления может создаться впечатление, что восточнославянская традиция находится вне семантического поля, формируемого корнем *-mar-*. Однако в гуцульских говорах *mara* означает ходячего покойника, а в белорусских и украинских имеет значение ‘душителъ’ (см. статью «Мара» в словаре «Славянские древности», т. 3, с. 178–179). Далее констатируется, что свойством «душить спящего человека» могут обладать разные типы демонов, в том числе персонажи, сходные с ведьмой (луж. *khodota*) (с. 7). И здесь снова наблюдается интересная параллель: в карпато-украинской и полесской традициях *mara* означает ведьму или нечистую силу. Эти лексические и семантические схождения говорят о том, что восточнославянские традиции (пусть и на локальном уровне) также входят в обозначенную группу персонификаций.

Опираясь на изученный материал, автор приходит к выводу: ареальное исследование польских мифологических текстов демонстрирует, что змора является доминантной персонификацией «ночного кошмара» (с. 26); об этом

же свидетельствует внушительная подборка источников, посвященных этому персонажу (с. 16–17). К сожалению, вне поля зрения автора остался ряд работ, которые могли бы уточнить выводы диссертанта и расширить материал для картографирования: Kotula Franciszek. *Przeciw urokom*. Warszawa, 1989; Lasota Piotr. *Zmora w polskiej demonologii ludowej na podstawie relacji z terenu wschodniego Mazowsza i centralnej Lubelszczyzny*. 2011 (<https://pismofolkowe.pl/artukul/zmora-4042>); Ясинская Мария В. Мифологический персонаж (з)мора / мара в традиции Южного Подлясья в польской и общеславянской перспективе // *STUDIA MYTHOLOGICA SLAVICA*. Vol. 24. 2021. S. 79–99 (<https://ojs.zrc-sazu.si/sms/article/view/10422/9569>).

Характеризуя объект исследования, автор констатирует, что под *зморой* в широком смысле понимается мифологический персонаж из польской народной традиции, основной функцией которого является душение людей во сне, вне зависимости от его локального наименования (с. 32). При этом в тексте диссертации неоднократно встречается выражение «представления о зморе и сходных с ней персонажах». Для большей ясности в таких позициях следовало бы указывать – каких именно, поскольку для ареалогического исследования важно, являются ли эти представления (способы распознавания, обереги и т.п.) общими для *зморы* и ее «двойников» или «тёзок», или разнятся между собой.

О значительности образа *зморы* в польской народной демонологии может свидетельствовать такой факт. В своем труде, посвященном духовной культуре славян, вышедшем в свет в 1934 г., Казимир Мошинский опубликовал рисунок крестьянина Юзефа Бродоча, сделанный в сентябре 1933 г. в области Цешинская Силезия (на границе Польши и Чехии), названный «*Zmora z razurami*» и снабженный комментарием со слов автора рисунка. Бродоч изобразил самого себя в конце августа 1931 г., спящего под деревом. Под утро во сне он увидел «змору» – из-под корней дерева тянутся две палкообразные руки или лапы с когтями и хватают его за голову

(Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian. Cz. II. Kultura duchowa*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. S. 428). В этом лаконичном свидетельстве отразились основные мотивы, связанные со *зморой*, которые подробно разбирает в своей работе П.Б. Поветкина, например: *змора* выступает в облике длинных и тонких вытянутых предметов (с. 38), обхватывает человека лапами (с. 50), локализуется под деревом (Гурки Вельке, Силезия) (с. 75).

При создании классификации для польского «текста зморы» было использовано 1253 варианта этнографических источников XIX – начала XX в. и данных Польского этнографического атласа (работа проводилась практически по всей Польше, приблизительно в один и тот же период и с использованием одного и того же вопросника).

В признаковой парадигме любого мифологического персонажа важную роль играет его имя. На с. 33–35 приведен сводный перечень имен, которыми наделяется *змора* в польской традиции. Представляется, что силезское наименование *zmora z pazurami*, зафиксированное Мошинским, также может быть включено в этот список.

Интересный материал представлен в разделе о генезисе зморы, который зависит от того, кем является этот демон в локальной традиции – человеком со сверхъестественными способностями или сверхъестественным существом (с. 44–48). К сожалению, обилие примеров не дает возможности четко понять, прослеживается ли распределение «генетических» признаков по регионам – данному разделу не помешало бы такое заключение.

Любопытно, что среди способов обезопасить себя от *зморы* есть такой: повернуть кровать на 180 градусов или лечь ногами на место головы или лицом вниз (с. 59, окрестности Гнезна). В этих свидетельствах отражен фольклорный сюжет «Смерть кума» (ATU 332, СУС 332, Т. 300–748), что вызывает вопрос, во-первых, о частотности и распространенности этого сюжета в связи со *зморой*, и, во-вторых, о жанре этих фольклорных текстов –

являются ли они сказкой или быличкой, воспринявшей только один сказочный мотив?

В подразделе «Парадигма малых речевых и фольклорных жанров» представлены сравнения, ругательства, проклятия, словесные формулы и запреты, в которых содержатся наименования сходных со *зморой* персонажей (с. 90–92). Формулировка вызывает вопрос: значит ли это, что в приводимых далее речениях *змора* как таковая не упоминается или упоминается наряду с другими? Поскольку далее приводятся только речевые модели («уродливый как МП», «бродит как МП» и т.п.), но не сами словесные формулы на языке оригинала (за редким исключением), судить об этом трудно. Только при наличии оригинального выражения, передающего смысл «его МП морит», можно было бы оценить знаковую тавтологию, языковую игру, которую несет в себе это речение. То же касается анализируемых браных выражений и проклятий – перечню смысловых моделей не помешали бы примеры на польском языке (с. 92–95).

На наш взгляд, именно благодаря введению языкового материала подраздел, посвященный солеме как связанной со *зморой* предметной реальией, выгодно отличается от предыдущих (с. 98–114).

Как ценный опыт можно расценить попытку диссертанта представить картографический анализ *зморы* как вредоносного персонажа с использованием фольклорных и этнографических материалов XIX в. (в основном, второй его половины) и первых декад XX в. Основой классификации способов вредить людям и/или домашним животным стали глаголы, извлеченные из сообщений информантов (с. 117). Как отмечает автор, в одном рассказе может быть перечислено несколько вредоносных действий – следует картографировать их как единое действие или как два разных? Здесь перед исследователем встает проблема текстологии: анализируемые тексты в большинстве своем являются пересказами собирателей, а не записями живой речи (об этом см. на с. 122). Поэтому скорее всего нужно понимать, что суммирующее перечисление есть

особенность данного сконструированного исследователем текста, обобщающего локальную традицию (если нет указаний на то, что данный текст записан от конкретного лица в конкретном месте). На основе изученного материала автору удалось выделить 9 ключевых и 8 периферийных способов нанесения вреда человеку *зморой* (с. 123). Указаны также функции, которые спорадически перешли к *зморе* от других мифологических персонажей, для которых они типичны (насылание болезней, подмена детей и нарушение сна у детей) (с. 124) – в данном контексте было бы целесообразно указать, каких именно персонажей.

Положительной оценки заслуживают результаты работы диссертанта (в соавторстве с А. Пенчак) над созданием карт, посвященных признакам и ипостасям *зморы*, которые представлены в гл. 3 и в приложениях 4–8. Для картографирования была сопоставлена информация из 227 населенных пунктов (результат исследований, проведенных для составления Польского этнографического атласа (1980–1990 гг. и 2000–2002 гг.) с привлечением более ранних данных (середина XIX в. – первая треть XX в.)). Выделены центр и периферия бытования мотивов (признаков), прослеживаются ареалы, где конкретные мотивы доминируют (например, мотив заплетания грив лошадам – это восток Польши и переселенческие анклав бывших жителей Восточных Кресов на западе и севере Польши; все найденные случаи проявления двоедушия у *зморы* находятся в южной части Польши, с большей концентрацией на юге и юго-востоке и частичным заходом в центральную часть). В копилку материалов добавим поверье, что заплетать гривы коням и мучить их по ночам может *мара коньска* (русские старообрядцы в Польше в районе Августова), как пример переноса термина на домового, который исполняет данную функцию в русской традиции (см.: Узенёва Е.С. О традиционной народной культуре староверов Польши // Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. Коллективная монография. М., 2019. С. 270–311, см. с. 306).

Поскольку автор ставит задачу в перспективе создать подробный указатель, посвященный воплощениям «ночного кошмара», то выскажем несколько пожеланий относительно карт. Они должны быть цветными, тогда будет наглядно видно, что является типичным, а что уникальным, что принадлежит коренной традиции, а что привнесено переселенцами; если добавить временной фактор (например, разбивку данных по десятилетиям), то будет видна временная динамика распространения и бытования мотива.

П.Б. Поветкина справедливо отмечает трудности, возникающие при работе с материалами из карпатского региона, поскольку четко не определены границы зоны на территории Польши, попадающей в карпатский ареал или испытывающей его влияние (с. 141) – дальнейшие уточнения возможны только с накоплением новых данных. Отметим еще один «проблемный» регион – на представленных картах видна бедность данных на территориях бывшей Западной Пруссии и Померании: исследование демонологической лексики и народных мифологических представлений в этих регионах, исторически отделенных от общепольской традиции, еще предстоит.

В работе хотелось бы видеть более детальные выводы относительно границ выделенных зон (учитывая, что польская традиция отнюдь не монолитна): явно выделяется противопоставление восток – запад, но каковы внутрирегиональные отличия, выделяются ли микроареальные традиции, выделяется ли зона пограничья? Все это может стать предметом дальнейших исследований в области «географии фольклора». Советуем автору обратить внимание на опыт составления карт в Общеславянском лингвистическом атласе, в частности на картографирование лексем со значением ‘женщина, которая занимается колдовством’ (Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи / отв. ред. Т.И. Вендина. М., СПб., 2015. С. 105-111 (карта № 21), а также на опыт белорусских фольклористов по созданию карт в рамках создания

Белорусского этнолингвистического атласа (мотивы народных легенд и данных по астронимии), см. публикации Е.М. Боганевой и Т.В. Авилина.

В гл. 3 польская *змора* предстает на общеславянском фоне. Это также перспективная область исследования. Автор отмечает необходимость более подробного изучения восточнославянской традиции на предмет установления типологических параллелей (с. 158, 161, 167, 170). Интересны отмеченные точечные совпадения со *зморой* в отдельных локальных восточнославянских традициях. Вероятно, пристальнее нужно присмотреться к фольклорной традиции Смоленщины, где помимо белорусского влияния имеется и польский след. Не следует игнорировать и демонологические представления польских евреев, которым известен персонаж со славянским именем «змора» (Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2004. С. 223–224). Материал по западнославянским традициям в будущем может быть дополнен благодаря недавней статье М.М. Валенцовой (Народная демонология Чехии (этнолингвистический аспект) // Славяноведение. 2022. № 6. С. 66–84), а по южнославянским – благодаря книге У. Дуковой (Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015).

Выскажем несколько частных замечаний по содержанию и оформлению работы.

В насыщенных материалом разделах 1 и 2 первой главы для облегчения восприятия и ориентации в тексте не помешала бы нумерация подразделов (их 17 и 15 соответственно).

Требуют уточнения некоторые формулировки, например, на с. 16: «Фольклорно-этнографические свидетельства о *зморе* появляются в литературе не позже 1830-х гг. и относятся к разным регионам Польши того времени». Если имеется в виду наиболее ранняя фиксация данных, то должно быть «не ранее», т.е. данные появляются начиная с 1830-х гг.

Некоторые формулировки мотивов нуждаются в конкретизации, например, о происхождении *зморы* (за ними часто стоят свернутые сюжеты

фольклорных текстов и пояснения по возможности необходимы): *Зморой* может стать возлюбленный при жизни (с. 47 – при каких условиях?); человек становился МП, когда вырастет (с. 48 – по достижении какого возраста?); МП мог вредить, пока живы все семь сестер (с. 48 – чьих сестер?). Особо интересен случай с упоминанием «душ на покаянии» (с. 48). Если речь идет об особом персонаже народной мифологии (пол. *dusza pokutująca, dusza na pokucie, duch pokutny*), то следует уточнить при каких условиях «души-покутники» становятся *зморами*, сближаясь с категорией демонов, за что уже наказанная душа получает дополнительную кару, становясь *зморой* (см.: Виноградова Л.Н. Особая категория мифологических персонажей: души-«покутники» // ЖС. 2019. № 2. С. 19–21; Виноградова Л.Н. «А я куда денусь?»: бесприютная душа в поисках нового пристанища // ЖС. 2021. № 2. С. 26–29).

Подводя итог скажем, что цель, поставленная в работе, – выявить базовые механизмы персонификации и охарактеризовать конкретные мифопоэтические приемы олицетворения «ночного кошмара» применительно к локальным версиям польской фольклорной традиции и более обширным славянским ареалам – П.Б. Поветкиной достигнута.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.4 – «Фольклористика» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Поветкина Полина Борисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4 – «Фольклористика».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

БЕЛОВА Ольга Владиславовна

«17» января 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

5.9.6 Языки народов зарубежных стран (Славянские языки)
(10.02.03 Славянские языки)

Адрес места работы:

119991, (РФ) г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 926,
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»,

Отдел этнолингвистики и фольклора

Тел.: +7 (495) 938-17-80 (секретариат); e-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Подпись сотрудника Института славяноведения РАН
О.В. Беловой удостоверяю:

«17 » января 2023 г.